

МИРРЕЛЛА

Флор
Берко

Флор Веско

Мирелла

«Самокат»

2019

Веско Ф.

Мирелла / Ф. Веско — «Самокат», 2019

ISBN 978-5-00167255-5

В славном Гамельне жизнь течет мирно: город погряз в грехах, богачи набивают сундуки золотом, а бедняки живут впроголодь. Рыжеволосая сирота Мирелла выросла в детском приюте и работает носильщицей воды в городе. Тяжкий труд и лишения закалили волю Миреллы — она знает себе цену и умеет за себя постоять. Чуткая и сердобольная девушка помогает даже тем, кто стоит ниже нее на социальной лестнице — детям и прокаженным, которые смирились со своей долей и покорились тем, кто выше и сильнее. Но Мирелла не хочет склонять голову и подчиняться воле других. И когда в город приходят полчища крыс, а вслед за ними — чума в облике незнакомца в черном, Мирелла открывает в себе необычайный дар и узнает тайну своего происхождения. Французская писательница Флор Веско пишет романы для детей и подростков в историко-фантастическом жанре с немалой долей иронии и юмора. Известная легенда о Гамельнском крысолове в ее произведении обретает новый смысл. Это первый перевод Флор Веско на русский язык. Премия «Vendredi» (2019 год), премия «Sorcières» (2020 год), премия «Imaginales» (2020 год).

ISBN 978-5-00167255-5

© Веско Ф., 2019

© Самокат, 2019

Содержание

Зачин	5
I	6
II	18
III	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Флор Веско

Мирелла

Зачин

То, о чем речь хочу вести, случилось во время давнее, в городе Гамельне, расположенном, как ведомо каждому, в северных землях германцев, в их Священной империи. Совершилось там дело страшное, невиданное.

Многие языки о том сказывали. И сказ облетел весь мир, и был сотни раз на бумагу положен. С годами жуткие зловключения оборотились детской сказкой. Побасенкой, какую шепчут малюткам в кроватках, дабы населить сон их всякой гнусью.

В каждой земле сказывают ее отлично, но главная нить всегда едина. Итак! Вот ее суть: град Гамельн заполонили крысы. Вдруг является странник, молодец в пестрых одеждах. Сговаривается с бургомистром. И чарует крыс звуком флейты, и те идут за ним, словно овцы. Чужак ведет их за городские стены и топит, заманивши в реку. Кончив сие, юноша возвращается, дабы забрать оговоренную плату. Но скупердяй бургомистр отказывает в награде. Недолго ждать мести чужака. Ночью он возвращается в город. И новой дьявольской музыкой очаровывает сто тридцать гамельнских чад. Дети идут за чужаком и пляшут, а он уводит их за городские врата. Только глухая девочка да хромой мальчуган не могут идти. Лишь они и спасутся: чужак топит детей в реке, как потопил он крыс, а после уходит.

Так гласит сказка. Увы! Не верьте детским небылицам да досужим сплетням. Не так всё приключилось, как толкуют. Что было – то гораздо хуже.

I

Давным-давно

Выше всех в Гамельне, во главе града, стоял бургомистр. То был человек зрелых лет и пышной плоти. Вдобавок знал латынь. Сундуки его ломились от флоринов. Он сумел выгодно родиться и недурно нажиться.

Ниже всех была Мирелла. Но нет нужды ее расписывать. Перечтите, что сказано о бургомистре, выверните наизнанку, и будет вам Мирелла.

В то утро бургомистр пробудился с намерением необычайным и храбрым: облагодетельствовать свой вид. Для чего собирался нарядиться попышнее, дабы во всей красе предстать на вечернем пиру. Пир он давал в своих хоромах, во славу святой Альдегунды, покровительницы вдов и кляч. Вино будет течь рекой, и за курами последуют пироги с оленятиной и поросятиной да жареные козочки.

В то же утро Мирелла утвердилась в намерении не менее отчаянном: держаться как можно незаметней и услужливей. Для чего собиралась пониже склонять голову и сторониться всех, дабы избежать неробких взглядов и настойчивых рук и пережить в Гамельне еще один день.

Оба не ведали, сколь трудно будет исполнить задуманное.

Из почтения к чину его начнем с бургомистра. Во всей Священной империи народа германского только пятеро человек имели настоящее зеркало. И бургомистр был в их числе. (Иные, ежели доставала их охота узреть свою наружность, шутили глаз и созерцали размытый образ на натертой до блеска железке.)

Бургомистр купил зеркало у бродяжного торговца, державшего путь из Константинополя. Отдав тысячу звонких золотых флоринов, он возобладал сим чародейским предметом. То был серебряный коробок, в коем лежало стекло, покрытое слоем олова со ртутью. Чуть сдвинешь крышку – чудо: зрящий находил в коробке свой лик, до того четкий, будто столкнулся нос к носу с соседом.

Что не всегда было благом.

Бургомистр склонился над зеркалом и тотчас отпрянул. Со дна коробка взирал на него Дьявол. Ибо кто, как не лукавый, мог иметь столь жуткое обличье?

Бургомистр высунул язык, и тут же Дьявол явил ему свой, толстый, зернистый и серый. Тогда почтенный муж заключил, что пред ним собственное его лицо, а не исчадия ада.

Сальная кожа с россыпью сочных прыщей – то была его кожа. Ему же принадлежал и череп, на диво схожий с каменистыми южными землями: на песочно-желтой равнине то там, то тут росли редкие пучки лоснящихся клоков.

Зубовный сумбур удивлял неожиданным цветом: темно-зеленым, всё ближе к черноте. Бургомистр поскреб резцы ногтем. Под темной коркой проглянула желтизна.

– Душа моя! Беда! Беда! Спасай меня, выручай!

Заслышав крики, супруга побросала свои труды и, подъяв юбки, побежала на выручку мужу.

Нашла она его в великой печали и страдании: воздев руки к небу, клялся он кровью Господней, что нет на земле твари, что превзошла бы его в мерзости лица. Она как могла укрепила его дух, заверив, что облик у него вполне величественный. Бургомистр не слушал: он нещадно колотил грудь свою и стenal:

– Будь проклят тот час, когда узрел я свой лик! – возопил он.

Повторив сотню раз, что вид у него весьма почтенный, она решилась под конец предложить:

– А не свершить ли вам сегодня ежегодное омовение?

Бургомистр задумался над сим предложением и счел, что оно хорошо.

Он вышел из спальни. В просторной трапезной суетилась челядь, готовя всё к пиру: ставили стол, скамьи, стелили на глиняный пол свежую солому, пересыпанную для запаха лепестками цветов. Бургомистр покинул свое жилище – просторный дом из превосходного кирпича и камня, второй ярус коего нависал над мостовой: он любил посмотреть на жителей своего града из высокого окна.

Дом его стоял в удачной близости с каланчой, острогом и главной площадью. Бургомистр обошел помост, где по праздникам плясали, а в прочие дни вешали разных прохвостов. И наконец вошел в мыльню.

Хозяин встретил его многими поклонами и провел меж общих чанов к креслу, куда и пригласил водрузиться. Тотчас же трое цирюльников подскочили к нему. Первый вложил зубочистку меж его десен и покопался средь восемнадцати имевшихся зубов. Второй со всею отвагой взялся кропотливо выуживать ногтечисткой грязевые избытки. Третий выгребал ушной сор копоушкой. Ни один изгиб, проход и закоулок господских ушей не избежал его стараний. Плодом их стал без малого пуд прекрасной желтой серы.

После сего холения мыльщик помог бургомистру снять одежды прекрасных ярких тканей. Освободил его от сорочки и туфель. Затем направил шаг к высокому чану. Бургомистр ступал следом, колыхаясь чревом и задом. Был он невысок, но мясист, так что короткость членов искупалась обширностью торса.

– Вода, мессир, погрета до теплого, ради вашего приятства, – поклонился мыльщик. – Милые девы развлекут вас во время омовения, – прибавил он, указав на трех отроковиц.

На них были длинные прозрачные сорочки. Тонкая ткань, влажная от пара, облегала крутые изгибы и заманчивые груди. Они потрясали венниками, коими натирали посетителям спины.

– Мойтесь, мессир, – продолжил мыльщик, – а ежели вас терзает голод, мы поднесем на доске скромную снедь. Что вас прельстит? Солонина, колбасы, сало, ветчины? Или рыбы сушеные?

Но бургомистр не внимал его речам. Он с подозрительностью осматривал чан.

– Вода-то у вас не чиста! – произнес он.

Хозяин помрачнел. Бургомистр усомнился в порядочности его заведения.

– Вода не чиста?! – воскликнул он. – Лишь пятеро омылись в ней прежде вас. Взгляните сами: и двадцати блох не будет!

Неуступчивый Бургомистр задрал подбородок. Чтобы ступил он в воду после низшего чином – не бывать тому.

Пришлось мыльщику смириться. Он вышел наружу и зазвонил в колокол, дабы призвать воду.

Мы же покамест можем обозреть город. Гамельн походил на чугунок. То было обширное круглое селение с высокими стенами, до краев полное бурлением разного люда. В каждом колене узких и многоизгибных улиц – заторы из повозок, всё кишело лавками да мастерскими.

Стоял шум и гам.

Суконщики, кондитеры, ткачи, стекольщики и сапожники зазывали прохожих с порогов. Их гомон перекрывался натужным ором уличного торга, отловщиков собак, продастчиков кошачьих кож. К тому мешалась болтовня простолюдинов, простолюдинок и их простолюдинчиков, кои с зарей покидали свои лачуги, дабы потолковать под чистым небом.

Вдруг общий гвалт рассек звонкий и ладный напев. То была песнь водоносов. Мыльщик опорожнил чан наполовину и раздул угли. Водонос выплеснул внутрь два больших ведра чистой воды. Лишь тогда бургомистр изволил в него окунуться. Он ввергнул тело свое в воду, довольно вздохнул и воскликнул:

– И где ж моя доска со снедью? А ну отвечай!

Покинув мыльню, водонос уширил шаг. Но взгляды пристальней: так и есть, то не водонос – пред нами водоноска. Вот ведь! Острый же нужен глаз, чтобы углядеть отроковицу под лохмотьями холстины, коими укрыто ее тело!

Ибо весь наряд ее, с головы до пят, сплошь был из отрепья. Лоскут скрывал волосы, оставляя лоб и лицо. Другой обрывок ужимал груди, дабы не цепляла их поперечина, что распирает ведра. И последней тряпкой была она опоясана навроде юбки. Полы она подвернула, пропустив меж бедер по образу брэ, дабы легче было сновать по улицам. Рубище ее имело вид еще печальней, чем у нищих, и по первому взгляду никак было не угадать под оным юницу.

Однако наблюдатель повкрадчивей подивился бы малости босой ноги, черной от пыли. И дивился бы дальше, глядя на поступь девицы – как бы с легким приплясом – особенно когда ведра пусты.

Грязь и смрад тронули ее меньше, чем прочих жителей Гамельна, ибо за день она многократно вступала в реку, наполняя ведра. Худоба тела была обычна для тех, кто недоедает с рождения. Тонкие, но закаленные многолетним трудом мышцы не прятались под мягкостью плоти. Но то была не чахлая худоба нищих, иссушенных годами лишений. Грудь ее не отвисала под собственным весом, как у гамельнских простолудинок, спина не гнулась горбом, и зубы не были желты, ибо хоть и вышла она из детской поры, но еще не стала женщиной. В сей час тело ее хранило свежесть юности, но уже решительно зрели иные изгибы. Она вступала в самый опасный для девицы возраст.

Ходила она вечно потупясь, избегала чужих взглядов и не улыбалась.

Вы, верно, уж догадались, что мы повстречали Миреллу. Но наблюдали ее лишь миг: она спешно двинулась прочь.

Через улицу встретился ей такой же водонос, за тяжким трудом своим. Он скупно кивнул ей на ходу.

Возможно, вам дивно видеть в Гамельне такое круговращение воды. Что ж, надобно сказать: селение сие блистало изобретательными находками. Под просвещенным радением бургомистра Гамельн стал градом воистину передовым.

Вот вам пример. Во всех иных городах Священной империи германской жители выплескивали помой из окон, клича: «Отхожие воды!» По сей причине немисливо было выйти из дома так, чтобы хоть единожды не быть орошену зловонным содержимым ночного горшка.

В Гамельне же ежегодно во время торжественной обедни священник освящал сточные канавы и ночные горшки всего града, а также потроха всей своей паствы. Благодаря чему если и случалось какому ротозею омочиться или омараться зловонной жижей, то с помоями принимал он и святое помазание, полезное для спасения души.

Другой пример. Во всех иных городах Священной империи германской хождение по ночам было делом опасным. На темных улицах властвовали разбойники и душегубы, кои не погнушаются рассечь горло прежде, чем отнять кошелек.

В Гамельне же улицы имели сродную славу, и душегубства там совершалось не меньше. Но бургомистр, в великой щедрости своей, положил в уплату каждой семье убиенного три флорина вспоможения, но только если ближний их будет мертв совершенно, а не лишь покалечен. Благодаря чему, с тех пор как вышел указ, каждый вечер внушительное число увечных или немощных горожан в почтенных летах находили смерть свою на улицах града. Лишь дивиться оставалось, чего ради сии толпы лишних ртов резвились по ночам?

И последний пример, самый ошеломительный. Во всех иных городах Священной империи германской пожары ежемесячно сжигали по улице, ибо деревянные дома лепились один к одному и живо вспыхивали.

В Гамельне пожары приключались не реже. Но жильцы скоро их тушили, ибо стараниями бургомистра по всему граду бежала вода.

Сим водяным снабжением бургомистр по праву гордился особо. Задумал он его несколько лет назад. Для чего избрал десять водоносов из числа гамельнских подкидышей. Сих беспризорников с малолетства пеленали, кормили, холили и лелеяли милостивые монашки. Может ли что быть честнее, чем отплатить родному граду десятком лет преданной службы?

Бургомистр отобрал чад, кто поменьше хромал да был не так тщедушен. Избранник получал пару ведер и закрепленную за ним часть города для снабжения.

Да, должно признать, по первости вода в Гамельне не бежала, а всё больше семенила, а то и волокла к исходу дня.

Тогда бургомистр взошел на помост со славною речью:

– Добрые сограждане! Потщимся же ободрить водоносов в трудах их. Ибо если всем миром поможем мы им, вскоре вознаградимся славой первого града Священной империи, орошаемого с достатком. А посему заклинаю, не щадите сил ваших. Ежели водоносы бегут не слишком скоро, возьмите палку и лупите их по икрам со всею строгостью.

Горожане были преданы своему граду и своему бургомистру. А потому охотно исполняли наказ. С годами их благодетельные удары закалили и укрепили водоносов. Они научились обегать свою часть города рысью. С тех пор вода в Гамельне воистину бежала.

Мирелла направилась дальше. Она подошла к городской заставе. Но у самых ворот ее окликнул нищий:

– Эгей, безстыдница! – крикнул он. – А ну воды!

Поелику ничто не ушло от усмотрительной заботы бургомистра, в Гамельне было трое законных нищих. Ибо несомненно, что кишение сих паршивцев на улицах есть верное бедствие. Однако же град совсем без убогих есть град печально неполный. Они в нем служат справедливости в распределении достатка: зажиточные горожане могут подавать им милостыню и тем вернее обрять место в раю.

Бургомистр провел смотр всех гамельнских попрошаек и отобрал троицу, да так, чтобы всякое убожество было представлено во граде должным образом.

В южной части, обильно озаряемой солнцем, нес службу слепец. Увечные очи его, коим не суждено боле видеть света божьего, чудесно благоприятствовали жалобности горожан. В зажиточную часть назначен был карлик. Так полнотелые господа имели возможность умиляться, взирая на его скудный рост с верхних ярусов своих хором. И под конец измыслил бургомистр изящную шутку. В торговой части, где лавки завалены ходким товаром, побирался хромой – из-за увечной ступни уже не ходок. Само собою, иных неимущих он повыгнал.

Законным же нищим было пожизненно жаловано право: побираться во всех пределах своей части града. И никому, помимо этой троицы, не дозволялось очутиться на улице, равно как и просить милостыни.

В сей час воду у Миреллы требовал хромоногий.

Он подходил ко службе со всем радением. А потому был хил, тщедушен, малозуб и косоглаз, как и подобает побирушке.

Он сидел на голой земле и изгибал шею, дабы узреть под лохмотьями ягодицы мерзавки. Увы! Края ткани плотно прижимались к ляжкам.

На донце ведер еще оставалась вода. Мирелла наполнила нищему флягу. Он осушил ее в пару глотков и велел наполнить сызнава. Она подчинилась не мешкая. Когда фляга была полна, нищий затребовал еще воды, дабы омыть руки. Водоноска плеснула последние капли.

Тогда возжелал он омочить затылок.

Мирелла ясно видела, что он лишь глумится над ней. Но об ослушании не могло идти и речи. Мир устроен был в незыблемом порядке. И сверху вниз, от самого могучего до самого ничтожного, в нем имелись:

Бог

Император Священной империи германской

Князя

Бургомистр

Члены магистрата

Знатные горожане

Ремесленники

Торговцы

Сторожевые псы

Женичины

Нищие

Мирелла

Чем ниже ступень сей лестницы, тем важнее склонять голову. Мирелла же с детских лет приучилась гнуться до земли. Склада она была робкого и опасливого. И с восхода солнца держалась услужливо и покорно. Она повиновалась, пряча взор, благодаря чему и по сей час ходила в живых.

А посему вылила то, что еще оставалось в ведрах, нищему на затылок. И коль скоро он требовал снова, Мирелла обещалась на обратном пути поднести еще, когда ведра будут полны. Она вскинула на плечи ремень и двинулась дальше.

Хромец на прощанье хлопнул ее по задку. То был добрый шлепок: таким погоняют осла. Мирелла стиснула зубы. И хотя от омерзения по коже пробежали мурашки, но она снесла шлепок и зашагала дальше не оглядываясь.

Шел июнь месяц, самый зачин лета: всё во граде пеклось от жара. Вам, верно, хочется знать и год, когда сие приключилось? Помню, что не сказано еще того мною.

Но, увы, не так-то просто дать вам ответ. Давешний нищий не ведает даже, в какой век он побирается. А ежели спросить у прекрасной трактирщицы, что держит здесь постоянный двор, она, верно, заключит, что идет год 1284-й.

– Помнится мне, – скажет она, – шел год 1274-й, когда медведь к обедне явился. А уж лет минуло не меньше десятка.

(В 1274-м в церковь и правда как-то забрел медведь и сожрал целый короб облаток. Священник возопил о чуде: дикая неразумная тварь восприяла благодать Божию и взалкала причастия. Священник благословил медведя и хотел проводить его в исповедальню, ибо у зверя, без сомнения, скопилось немало грехов. Но тот, безо всякой любви к ближнему, оторвал священнику руку и, утолив глад прихожанкою, покинул храм Божий.)

А ежели в тот миг в трактир пожалует член магистрата, он воскликнет:

– Ничуть не бывало! Год ныне 1280-й! Ибо три года минуло с тех пор, как почил глава городского совета.

(В 1277-м во время торжественного шествия сей глава совета, шагая чинно и твердо, ступил на влачащийся по земле край длинной белой бороды своей, отчего грянулся оземь и расшиб чело так, что вскоре почил с миром.)

Под конец, всего верней, вмешается пристав:

– Куда там! Скорей уж 1275-й на дворе. Как раз четыре зимы назад был случай с вдовою Мориц.

(В 1271-м у той вдовы, растившей в одиночку десять рыжеволосых чад, за столом в трапезный час очутились одиннадцать мальцов. Один рыжее другого. Не в силах опознать чужого отпрыска, вдова порешила принять в семью лишний рот, взмолившись только, чтобы чудесное умножение чад более не повторялось.)

Ежели, конечно, сказ наш не идет пятью, а то и десятию годами позже: иные жители вспомнят и зиму 1279-го, когда случился великий спор об облаке, что на вид не то Священный Грааль, не то псина. Или же осень 1283-го, когда почтили Гамельн крестоносцы, выбрав его, а не соседствующий город для разграбления.

Словом, то, о чем сказываем, случилось в правление Рудольфа Габсбурга, в ту эпоху, что ныне зовется Высоким Средневековьем. В те времена мужчина, сумевший дожить до тридцати, был стариком, а женщины имели по пять-шесть детей к двадцати годам. Мылись тогда у всех на виду. В домах было по одной широкой кровати, где спали всей семьей, вместе со слугами и заходящими странниками. Никто не сказал бы вам, сколько времени; день размечал церковный колокол, звоня Первый час, потом Третий, Шестой, Девятый¹, затем Вечерню и на закате – Повечерие. Картошки, шоколада и помидоров не было еще и в помине.

Пока предавались мы исчислениям, Мирелла не стояла даром. Она уже миновала заставу и вышла за городскую стену. У врат, опершись на алебарды, дремала пара стражей.

Мирелла шагала тропой через поле. Вдали от сутолоки Гамельна и от взоров его жителей она просветлела лицом. Расправила плечи. Вскинула голову.

Но ненадолго. Вскоре тело ее вновь напряглось от тревоги.

У реки она увидела Бедвика. Сей рослый детина, тоже из водоносов, был старше на несколько лет. Чернявый, скуластый, с грубым звериным лицом и будто дубленой кожей, он был вдобавок заносчив и буен, как необъезженный жеребец.

Польстясь пустынностью окрестных полей, он растянулся на мягкотравье и задремал.

Мирелла пошла крадком, молясь, чтобы он не пробудился. Воды нигде больше не почерпнуть: Везер река бурная. Лишь здесь умеряла она у берега свой клочок. В ином же каком месте ступишь в воду – того и гляди течением снесет.

Водоноска нагнулась наполнить ведра. Но едва окунула руки по локоть, кто-то стиснул ей ляжки. Бедвик спал вполглаза. Приметив девицу, он покрался по пятам и ухватил ее. Мирелла не пыталась вырваться из его хватки. Она была благоразумна. Дернись она посильнее, Бедвик может осердиться. Тогда, глядишь, еще зашибет, а то и, чего доброго, завалит в траву.

– Отступись! – проговорила она мягко. – Бедвик,пусти меня, нельзя мешкать, воду ждут.

Бедвик что-то проворчал в ответ. И продолжил свои изыскания. Руки его прокладывали путь вверх по девичьим бокам. Мирелла силилась хранить спокойствие. Нельзя было поддаваться ужасу, что рождали Бедвиковы руки, лапавшие ее упорно и нагло. Водонос предпринимал героические усилия, тщаь протиснуть ладони под плотные обмотки. Напитанная водою ткань противилась ему. Тогда стал он дергать ее, дабы порвать.

– Полно, – вновь начала Мирелла, как можно покойнее.

Бедвик распрямился во весь свой рост. С детства помня его повадки, Мирелла ясно видела: он распалился так, что вот-вот кинется на нее и придавит всем весом. Она почуяла знакомую угрозу быть силой взятой и поруганной.

Чтобы помешать подлым его замыслам, она перехватила поперечину от ведер и, повернув через бок, ткнула концом ее назад. Конец угодил Бедвику прямо в живот. Тот согнулся

¹ «Первый час» – молитва в шесть утра, «Третий час» – в девять утра, «Шестой час» – в полдень, «Девятый час» – в три часа дня.

пополам. Мирелла вырвалась из его рук, взвалила ведра на плечи и бросилась прочь, пока не перевел он дух. Как ни тяжелы были ведра, она взбежала до самых ворот. Издали слыхала Мирелла, как громко бранится он ей вослед, но уже достигла стражей.

Она миновала ворота, не замечая хромца, укрывшегося в нише куртины.

Нищий давно уже шел за Миреллой. Едва ступила она за ворота, он поднялся с земли. Увечная нога чудесно исцелилась. Он побежал за ней до самой реки, надеясь еще урвать свою долю ласки от водоноски. Схоронившись за куст, он подглядывал за ней. Не ушло от него и общение Миреллы с Бедвиком: с увлечением наблюдал он, как юница дает себя щупать.

И вновь Мирелла вступила в гамельнский уличный гомон. И пропала в толпе, потупя взор, замкнувшись духом, напрягшись телом и наострив уши на звонящие по воду колокола. Угрозы удалось избежать. В этот раз.

Но сие не значило, что можно быть покойной. Она чуяла, некто шагает по ее пятам: она замрет – и он станет, она пойдет – пойдет и он.

Неспешно, дабы не встревожить и не оскорбить шедшего сзади, она оборотилась. Но бросила все любезности, едва узрела, что был то ребенок – то есть существо неопасное.

– Что тебе надо от меня? – спросила она.

Малец был ростом со стол, вида тщедушного и жалостного. Светлые волосья его запылились землею, тусклые щеки впали. Рубаха была ветхая, а штаны велики и подвязаны веревкой.

– Коли снеди ищешь, малыш, не в ту дверь стучать удумал, – сказала Мирелла. – Сам видишь, ничего у меня нет! Могу водицы дать, и только. Да смотри, чтоб стражник не приметил, как ты побираешься. А то несдобровать!

Мальчик пролепетал что-то о приюте, брошенных младенцах и наряде на водоношение.

– А, так тебя на смену прислали?

Мирелла смягчилась.

В Гамельне по тем временам безродный ребенок был только лишним ртом, и не больше. Всем было ведомо, что у этих мальцов голова еще не окрепла как следует и нет ни воли, ни рассудка, пока не минует им десять годов. И всё же нужно было их как-то содержать, с надеждой, что, выросши, они сгодятся в дело. В лестнице миропорядка дети были на самом низу:

Бог
↓
Император Священной империи германской
↓
Князья
↓
Бургомистр
↓
Члены магистрата
↓
Знатные горожане
↓
Ремесленники
↓
Торговцы
↓
Сторожевые псы
↓
Женщины
↓
Нищие

↓
Мирелла

↓
Дети

– Ну и как тебя кличут? – спросила Мирелла.

Мальчик потупил взор и проямлил три неразборчивых слога.

– А ну повтори четко, чтоб тебя!

– Меня звать Панкратий, – молвил он, краснея.

Столь нелепо было имя, что на миг водоноска замерла, разинув рот. И тут же расхохоталась во все белые зубы. Лицо ее, обыкновенно замкнутое, будто засветилось от искренней неожиданной веселости.

– Меня подкинули в день святого Панкратия, – пояснил мальчик.

– Вот оно как! Ну имечко! Прямо тебе под стать. Отвели сестры душу на крестинах! – всё хохотала Мирелла.

– Это святой покровитель детей и обмороженных, – прибавил он.

– Верю-верю. Ну а коли я буду звать тебя Паном? Как тебе?

Мальчик поднял взор. «Пан» звучало славно.

– И полно хмуриться, мне сестры тоже имечко дали то еще, когда нашли, – добавила водоноска. – Назвали меня Резхен².

– Резхен? – подивился Пан. – Почему?

Смех водоноски тут же смолк.

– Зови меня Мирелла, и довольно с тебя, – отрезала она. – Это имя я сама себе дала, и все знают меня так.

Пан усердно закивал.

Мирелла оглядела мальчонку. Член магистрата выбрал его из всего беспризорного вывода. Он взял того, у кого спина пряма и ноги равны в длине. Помимо же сих двух достоинств Пан не мог похвастать ни ростом, ни крепостью. Тяжек будет ему водоносный труд в первые месяцы.

– Ну, довольно трепу, пора! – заключила она. – Ступай за мной.

На ходу она объяснила:

– Ты вместо Конрада будешь. Он ушел, потому как отработал свои десять лет. Дальше уж может на себя. Повезло ему: кузнец в подручные взял.

– Значит, мне с сего дня работать десять лет? Десять лет носить воду?

– Так и есть. Годов тебе сколько?

– Не знаю.

Мирелла оглянула его навскид.

– Лет десять тебе, пожалуй, на мой глаз.

– Ну да, – согласился Пан, довольный круглостью числа.

– А теперь сочтем-ка. Бросить водоносный труд ты сможешь, когда будет тебе...

Мирелла свела брови и крепко задумалась. Уста ее шевелились, пока ум силился припомнить цифры.

Пан же отважно взялся было считать на пальцах, однако скоро их перестало хватать, и числа в голове его спутались в клубок.

– Когда будет тебе тридцать лет! – воскликнула Мирелла под конец. – Погоди, больно уж много выходит. Как знать, сносят ли тебя так долго ноги. Начнем-ка сызнова. Надобно взять десяток да еще десяток добавить...

Вновь нахмурились брови.

² «Розочка» (нем.).

– Ну вот, – заключила она, – пойдешь на волю в двадцать лет.

Пан, разинув рот, потрясенно кивнул. Его впечатлили и названные лета, столь отдаленные и недостижимые, и счетные дарования Миреллы.

– Ну а тебе? – спросил Пан. – Сколько осталось лет?

На сей вопрос у Миреллы ответ был готов. На водоношество она заступила в восемь. И с первого же дня стала насекать на стене метки, там, где спала. Так она в каждый вечер причисляла еще один пережитый день.

– Я уже семь лет воду ношу, – сказала она.

В сей миг, что очень впору и нашему сказу, Пан и Мирелла кончили разговор, ибо подошли к бургомистрову дому. Мирелла обогнула его со двора и постучала в низенькую заднюю дверь.

Под бургомистровым началом был совет из десяти членов магистрата – благородных мужей, поддерживающих дела града в добром порядке. Один из них начальствовал над водоносной братией. Он вручил Пану два ведра, кои на десять лет станут продолжением его рук.

Мирелла помогла вскинуть на шею кожаную лямку, чрез меру длинную для щуплых детских плеч. На концах ее висело по большому деревянному ведру. Поперечина удерживала их равновесно, враспор.

Пан не медля приступил к трудам под надзором Миреллы, сопроводившей его к реке. Бедвика было не видать.

– Смотри берегись, Везер бурлив, – предупредила Мирелла. – Коли упадешь – не вылезешь.

Мирелла показала, как становиться на колени, дабы не сверзиться в бурные воды.

И, наполнив ведра, они двинулись назад. Мирелла указала ему границы его участка. Малец с трудом поспевал за ней.

К середине дня Мирелла порешила наполнять ведра свои по самый край, когда у Пана они налиты были лишь до половины. Так на двоих воды выходило вроде обычного. Но, невзирая на это, мальчонка на каждом шагу спотыкался с усталости.

– Знаю, что тебе нужно, – сказала Мирелла. – Ты должен разучить песнь водоносов.

И стала напевать:

Вирелэ³ водоносов

*С ведра вода
Туда, сюда.*

*Тащите бочки и горишки,
Тазы, котлы и котелки*

*С ведра вода
Туда, сюда.*

*Тяните кружку, ковш, стакан,
Бутыль, бадью, ушат и жбан.*

*С ведра вода
Туда, сюда.*

Они зашагали в такт песне.

Пан слушал, как свежо, ладно звучит Миреллин голос, и чувствовал, что дух его крепнет. Ему чудилось, будто коленца песни пособляют ему идти.

– Эй! – воскликнула она вдруг, прервав песнь. – Что-то не слышу, как ты подпеваешь.

Пан пробурчал, что не умеет петь, ему милее слушать. Да и дыхание бы не сбить. Мирелла держалась противного мнения:

– Всяк петь умеет, – отрезала она. – Разве учил меня кто? А пою, сам слышал. Звуки – они сами собой идут.

И она встала пред мальцом, чтобы он лучше уразумел ее слова.

– Когда отрядили нас на водоношение, бургомистр назначил нам особый крик. Должно нам было кричать: «Вода! Вода!» – всякий раз, как на иную улицу свернем. – Лицо ее брезгливо скривилось. – Тогда я напев этот и выдумала. И все прочие водоносы тоже его поют. Так что и ты должен петь, раз в водоносах ходишь!

Дабы не осердить ее, Пан принялся подпевать. И вскоре сам подивился чуду: с песней и впрямь ноша легчает. Когда подхватывал он запев с Миреллой на пару, то и нога ступала в такт, и ведра колыхались согласно, и вода в них словно теряла в весе.

И всё же, когда в церкви зазвонили вечерню, он ощутил такую немоготу, что едва не рухнул наземь. Все члены его были разбиты, истерзаны, надсажены. И дух, и ноги подкашивало так, что на каждом шагу он ждал обморока. Слишком тяжелы были труды для нежных его годов.

– Крепись! – окликнула его Мирелла. – Сей час домой придем.

Домом звала она большой сарай, прежде служивший конюшней. Член магистрата пере-назначил его в общую ночлежку. Водоносы спали здесь на подгнившей соломе, спиной ко всем сквознякам. Трухлявые, источенные червем доски разошлись и пропускали зимний холод, летний зной, а в остальное время года – дождь с ветрами. Располагалось сие жилище недалеко от площади, в весьма удобной близости от бургомистрова дома.

³ Здесь и далее автор использует названия французских средневековых стихотворных, песенных и музыкальных жанров, но делает это вольно, часто без строгого соответствия их исторической форме.

Вся стая уже воротилась в гнездо. Бедвик примостился в углу, в окружении еще семерых парней. Этих крепких балагуров будто кроили по одной мерке: широкий торс, поджарые икры, весь стан квадратный, а подбородок вдавлен в грудь, ибо хоть и было в них силы по летам, но годы водоношества уже исказили, сгорбили плечи.

Мирелла пересекла сарай, обойдя их стороной, и укрылась в углу. Пан, оробев, неотступно шел за нею. Водоносы влекли его: подмывало подойти и заручиться их дружбой. Но он крепко боялся, что те осмеют его и прогонят. С Миреллой было покойнее, хоть и печалился он, что выглядит мальцом, уцепившимся за водоносину юбку.

Зной еще бился в сарайные стены. Мирелла потянулась, разминая плечи, сперва одной, потом другой рукой. Она освободилась от части лохмотьев, дабы их постирать. Размотала покрывавшее голову сероватое полотнище. И по спине ее разметались огненные пряди. Пан, разинув рот, взирал на киноварь волос, горящих ярче углей. Во всю жизнь не видал он подобных. Так вот почему сестры окрестили ее Резхен, «Розочкой».

Прятать волосы Мирелла стала тогда же, когда наметилась ее грудь. Пока была она девчушкой, горожане не замечали ее, разве когда хотели воды, но и тут глядели лишь на ведра. Но чем дальше росла она в слишком коротком своем одеянии, тем чаще ловила мужские взоры. И коль скоро огненный волос ее цеплял чужой глаз, она решила его прятать.

В сарай вошел тот же член магистрата, что наделил Пана ведрами. За спиной его слуга держал поднос. Всяк водонос получил свой паек: грубую миску с бурой похлебкой, в коей Пан углядел как будто редкие кусочки капусты и лука. Все уселись прямо наземь и принялись хлебать с жадностью.

– Экая погань! – воскликнул Деодат. – Баланда нынче перчена как черт!

– Чем больше приправ, тем еда гнилее, – шепнула Мирелла Пану. – Кухарь сыплет травы изрядно, чтобы гнилость вкуса прикрыть.

Похлебка подавалась с сухарем – его водоносы грызли впотьмах, как скроется солнце, дабы не видеть, как копошатся в нем черви.

Первый десяток лет своей юной жизни Пан провел в приюте, окруженный заботами добрых монашек. А значит, обладал редким везением, раз дожил до сей поры и не полег от голода, холода или какого недуга. После дня тяжких трудов сарай показался ему уютным гнездышком, а сей ужин – сытной трапезой.

Мальчик замечал, что Мирелла всё держится особняком. Парни были старше ее на два, на три года. Когда же ходила она мимо, они не скупались на издевки. Бедвик, оглянув ее тонкие жилистые ноги, кои она оголила, плюнул с омерзением:

– Бесовская сила! Это на каких же тростинках она ходит! Чисто солома!

Заслышав острое словцо, прочие водоносы покатывались со смеху.

– А вот будь бы среди нашей братии красивая деваха... – вздохнул Бедвик с притворным сокрушением.

И пустился в мельчайших чертах расписывать образчик женского совершенства. Его измышления возбудили живой интерес среди товарищей: всяк добавлял свой штрих в прелестную парсуну:

– Мне по душе чернушки, душки, толстушки, мягкие, как плюшки, – сказал один.

– Ряшка круглая и румяная как рак, и чтобы грудь колыхалась на каждый шаг, – прибавил другой.

– Да лишь бы посочней да понежней, чтоб было что месить на ней.

– А я неразборчив до пустяков: с меня довольно целых зубов.

– Твоя правда, брат! Но надобно еще, чтобы ляжки радовали взгляд да попышнее зад!

Последнее замечание отпустил Бедвик. Руки его обводили в воздухе заветные изгибы, будто в надежде, что из сего трепя по волшебству зародятся вожаделенные пласты женской плоти.

Исчерпавши женскую красоту как предмет рассуждений, они принялись зубоскалить по поводу Миреллиных волос. Для остроумия не нужно было трудить ум – шутки были всё те же, за годы повторений выученные наизусть. То парни дергали за прядь и кривились, будто опалили пальцы. То звали дочерью Сатаны и принимались тереть ей виски, отыскивая рога.

Каждую шутку Мирелла встречала деланным смехом. В том было одно из правил выживания, что за годы впитались в ее плоть и кровь: всегда отвечать на задиры парней веселым видом. Злиться – нельзя и думать. Не ей тягаться с ними. Пригнуть голову – тоже опасно: еще сильнее распоясаются парни. Вот Мирелла и прыскала, хоть на время обезоруживая обидчиков. Но Пан ясно видел по потухшим ее глазам, что веселье водоносов ей чуждо.

Мирелла вернулась в свой угол. Кончив вечерние приготовления, она взглянула на зыбкое отражение свое в оставшейся на донце воде. Ни разу не видела она себя в зеркалах. А потому гадала, так ли страшна она, как говорят водоносы. Ей и самой не нравилась бесовская рыжина ее волос.

Пожав плечами, она выплеснула воду. Внешность ее значения не имела. По счастью, выпало ей быть здоровой да стойкой на лишения, шагать на твердых ногах и сберечь все зубы. Чрево ее отличалось упорством – хоть камни придорожные глотай. Тому благодаря ходила она в живых. А прочее заботило ее мало.

Мирелла опрокинула ведра, поставила их друг на дружку и, шагнув на сию приступку, взлезла в старую лошадиную кормушку, навешенную вдоль стены. Сие ложе избрала она за трудную его досягаемость. Ибо опасалась, что водоносы, осмеивая ее наружность при свете дня, с приходом ночи сочтут ее не столь отвратительной, что и поспешат засвидетельствовать.

Пан в свой черед принялся искать куда прилечь. Спать близ парней он остерегся: те уже храпели согласным хором.

Мирелла глядела на его копошение с высоты своей кормушки. И протянула ему руку.

– Поделишь со мной лежанку? Ну, влезай.

Мальчик с облегчением ухватил руку. Мирелла втянула его в свой схорон.

Он скользнул ей за спину и сомкнул глаза под покойное дыхание водоноски. Он решил, что спать будет вполглаза. И если кто сунется их тревожить, он разбудит Миреллу и защитит ее. Но вскорости сон его взял. Следом уснула и Мирелла, сжимая в кулаке зазубренный ножик.

II

В городе были полчища крыс

День только занимался, колокол не отзвонил еще и первого часу, когда объявилась первая крыса.

Кузнечный подмастерье и дочь торговца огнем сговорились свидетельствовать за кузницей. После трех недель любезностей и ухаживаний подмастерье твердо решил обменяться с прелестницей первым поцелуем. И поскольку та охотно закрывала глаза, он склонился к ней. Лицом ощутил он жар от близости милых уст. И прильнул к ним своими, дивясь пушистой нежности девицы. В том был он, конечно, несведущ, однако и думать не думал, что девичий рот столь мохнат. Ворсинки потерялись о его губы и тихонько взвизгнули. Юница открыла глаза и разразилась пронзительным вскриком. С балки навеса сверзилась крыса. И упала ровно меж сдвинутых юных лиц. Носы их, сблизившись, сослужили грызуну скатом, так что живая тварь мягко опустилась меж протянутых губ. Дочь торговца огнем бросилась наутек, подъяв юбки. И никогда впредь не решался подмастерье заговорить с нею.

А когда отзвонил третий час, уже на долю священника выпали чудные зловключения во время службы. Когда раздавал он облатки, из коробки, подобно Святой Троице, выскочили три крысы. И под возгласы прихожан пробежали весь центральный неф.

В полдень член магистрата с приятным чувством уселся за стол, дабы подкрепить себя трапезой да и пойти почивать. Он поднял колпак, накрывавший серебряное блюдо, что поставил пред ним слуга. Взору его явилось аппетитное рыльце молочного пороса. Член магистрата осмотрел кушанье со вниманием. Яблоко в свиной пасти было сплошь изгрызено. Шестеро крыс вдруг исторглись из зева и засеменили под стол. Свиная плоть дрябло осела: тушка была выедена изнутри и напигована крысиным пометом.

К повечерию супруга бургомистра собралась на покой после хлопотного дня. Муж ее уже почти разделся. Она скользнула в постель, вытянув ноги по самый дальний край, и с удивлением ощутила там меховую муфту.

– Любезный супруг, – заметила она, – вечер нынче и без того знойный. Нет нужды в меховых покрывалах.

Муж ее проворчал, что не ведает, о чем она толкует. Вдруг покрывало укусило супругу его за палец ноги. Взвизгнув, она откинула покровы, и дюжина крыс пронырнула в зазор за кроватью.

Гамельнцы расставляли всюду крысоловки, разбрасывали яд. Затем все вернулись к привычному ходу жизни, и никто не смекнул, что те первые крысы были лишь предвестием грядущих великих бед.

* * *

– Я всё обдумал, – сказал Пан.

Он сидел на берегу Везера рядом с Миреллой. Встал он ранним утром, с трудом подняв одолеваемое ломотою тело. После трех совместных с Миреллой ходок до реки и обратно он улучил краткий отдых. Час был совсем еще ранний, а уже едва гнул он дрожащие руки.

– Решился я. Пойду лучше в нищие, – продолжил он.

В награду за такое решение был прозван он «дурошлепом» и щелкнут по носу. К чему в добавку принужден в следующую ходку налить ведра на три четверти.

К середине дня Пан заявил:

– Раз так, сбегу из Гамельна и сделаюсь скоморохом.

За что получил именование «болвана стоеросового» и приказание нести воду на бегу.

К вечерне он выпалил:

– Добудь мне черный плащ да ножичек. Уйду в лихие люди. Буду жить грабежом да разбоем.

Мирелла обозвала его «шельмой конченой» и заставила рысью тащить полные до краю ведра.

А когда смерклось, спросил он тихим голосом:

– Что, если сходить мне до богатых горожан без детишек, вдруг усыновят меня?

За что он целован был в лоб и ласково оглажен по волосам в ободрение.

– Всё осилишь, – заверила его Мирелла, – я поначалу ведра и поднять-то едва могла. Первые дни тяжелей всего, а потом притираешься помаленьку.

Услыхав сие, Пан приободрился.

– А пока говори себе, что хуже уж никак не станет.

Почему – неведомо, однако на сих словах почудилось водоноске, будто голос ее звучит фальшиво.

С нового дня Мирелла заставляла Пана потеть еще пуще прежнего. Понуждала бежать крупной рысью, сокращала передышки, всё подливала воды в ведро. Ей надобно было закалить его, чтобы выжил. И не мешкая. Жара в Гамельне всё крепчала, а с нею и сушь. Горожане требовали воду беспрестанно, и не в их привычках было ждать подолгу.

Одним утром, когда небо синело безоблачно, а воздух еще до рассвета раскалился так, что не вздохнуть, Мирелла объяснила Пану, что снабжать свою часть града ему теперь придется в одиночку. Терять время, бегая с ним, она больше не могла. Сердце у нее кольнуло, когда мальчик проворно засеменил прочь на коротких своих ногах, ужасаясь мысли, что весь грядущий день ему одному таскать ведра и терпеть недовольство горожан.

Сама же она занялась напоением двадцати лошадей одного богатого мещанина. Сколько раз пришлось ей отшагать от реки до конюшни и назад, дабы наполнить поильни, – не счесть. Солнце напекло брусчатку так, что жгло ступни. Мирелла трудилась споро, усердно, сберегая силы. На пятой ходке вдруг закружилась у ней голова. Тогда, опорожнив ведро, она села прямо наземь, упиваясь тихой прохладой пустой конюшни, – лошади были снаружи. Едва поняв, что силы вернулись, Мирелла встала, решительно собравши волю. Прикинув уровень воды, она заключила, что осталась последняя ходка, и мысль эта придала ей бодрости.

И вот, в последний раз направляясь к конюшне, она миновала стайку игравших на улице ребятишек.

То были совершенные малютки, вверенные под присмотр старшей, шести или семи лет. Родители ушли в поле, на сенокос. От жестокого зноя бедных детей совсем разморило. Они едва волокли ноги, похныкивая почем зря. Солнце жарило нежную кожу, румянило нещадными лучами пухлые щеки, какие любят щипать да целовать взрослые, сами с темно-дублеными дерябыми лицами.

Мирелла взглянула на землю. В пыли были прочерчены квадраты. Видно, ребятня играла в них на заре. В сей же час, при высоком солнце, прыгать было неважно.

Мирелла и сама была без сил. Но всё так же легка и крепка на ногу. Вопреки всем издевкам и лишениям внутри у нее таился ребенок, охочий до детских радостей. Она прыгнула в первый квадрат, сомкнув ноги и не отпуская своей ноши. Скок раз, скок два. Держа враз два ведра – так, что и не дрогнула вода. Она доскакала до конца, не обронив ни капли: запыхавшись, но гордясь собою.

Дети, глядевшие на нее во все глаза, очнулись – радостно захлопали крохотные ладони. Мирелла улыбнулась им. Малыши подбежали, затолкались вокруг ее ног, отпихивая друг друга.

Мирелла схватила позабытое кем-то огромное, сплошь побитое медное корыто. Она водрузила его в тени и выплеснула внутрь оба ведра. Детвора наблюдала. Мирелла подняла карапуза трех годов и усадила в корыто. Он захлопал по воде, визжа от восторга. Вскоре и прочие, ободрясь, зашлепали в свой черед. Мирелла, довольная, поглядела, как они барахтаются, и пошла прочь. Ей надобно было назад к реке, снова наполнять ведра. Но о лишней ходьбе она не жалела.

Наконец водоноска кончила свой труд. И унесла ноги под гневный оклик мещанина, пенявшего ей за нерасторопность. На берегу Везера она села передохнуть, опустив ступни в речные воды и радуясь тому, что одна и что улучила миг покоя.

А после вернулась к трудам. Пред бургомистровым домом супруга его руководила пополнением кладовых. Завидев Миреллу, она зазвонила, дабы налить кувшины. Ободрившись после отдыха, взвеселившись оттого, что устроила малышам купальню, Мирелла взялась за дело, напевая.

Бургомистрова жена подошла и спросила:

– Что за напев? Не знаю такого.

Мирелла замолкла, напрягшись и волнуясь, что привлекла внимание сей благородной дамы. Слуги, пыхтевшие невдалеке, оборотились, радуясь поводу отвлечься от трудов.

– Не ведаю, сударыня, – отвечала Мирелла. – Напев тот сам вышел изо рта, мимовольно.

Слуги зашептались. Дама отшатнулась, осеняя себя крестным знамением. Кто ж может выдумать песню вот так? Без приуготовлений? Не приобщившись к таинствам музыкального искусства? Бесомненно, то Дьяволова работа: это он шепчет чаровские напевы в уши плутовки.

Мирелла чуяла: враждебность растет, и меж нею и бургомистровыми домочадцами точно воздвиглась вмиг стена. Она оправила прядь, что выбилась, пока она склонялась над кувшинами. Спешно разлив воду по оставшимся, простилась и улизнала прочь, пригнув голову и молясь не навлечь на себя бед. Дама глядела ей вослед, подбоченясь и хмуря брови. Но скоро вернулась к своим заботам: у нее и без этой рыжей бестии дел хватало – крыс выморить надобно. Ух, и развелось их в это лето! Столько заразы в своем доме она не видала во всю жизнь.

У городских врат плавился на солнце нищий. Само собой, он потребовал воды.

– Охота мне сегодня ноги ополоснуть, – объявил он.

Мирелла поставила ведра. Взяв одно, она наклонилась, дабы полить нищему на ноги. Нищий наслаждался. Он оглядел юницу. Та нагнулась грудью, напрягши руки и наклонив ведро, и лила воду тонкой струйкой, чтобы не расточать лишнего. Нищий задумал пощупать ее. И потянулся к бедру.

Мирелла отскочила назад.

– Эгей, дорогуша, неча недотрогу из себя строить, – оскалился нищий. – Видел я, как баловалась ты у речки со своим дружком... Эх, доброе было зрелище! Месить себя давала, что твое тесто! А мне почто свой кусок не взять? Ты чего о себе возомнила? Уж не тебе привередничать!

Нищий вскочил. Мирелла замешкалась, ставя ведро, чтобы не расплеснуть воду. Чем тот и воспользовался: ухватил ее и притиснул к себе. Водоноска попыталась вывернуться. С нищего ручьем тек смрадный пот. Мирелла едва не обмерла от зловонья.

Она всё тщила отбиться, дивясь силище тощего верзилы. Нищий не ослаблял хватку. Он пожирал взглядом упругую кожу юницы, омытую речной водою. Как и все рыжевласые, она отличалась особой белизною лица, напоминавшей добротню взбитые сливки. Вот и захотелось ему отведать ее. Выбор остановил он на изящном ушке.

Мирелла ощутила, как липкий язык вползает в ее ухо. Будто скользкий вихлявый слизняк ввернулся к ней в череп, погоняемый зловонным дыханием. Она сжала кулаки до синевы в пальцах, – к горлу подступала гадливость.

С ними поравнялся шедший из града купец. Завидев их, он пустил шутку:

– Нищий и водоноска! – Он веселился от всего сердца. – Знать, любовь-то повсюду, даже промеж голытьбы!

И зашагал прочь, хохоча. Шутка пришлась нищему по вкусу. Он щегольски приветствовал прохожего.

Улучив миг, когда нищий отвлекся, Мирелла высвободилась. Она крепко толкнула его бедром, отчего он потерял равновесие. И рухнул навзничь. Мирелла живо схватила ведра и проворно ринулась прочь, не слушая, что вопит ей вслед нищий:

– Негодница! Ей-богу, словлю тебя, паршивка вертлявая, черт меня дери!

Мирелла спаслась, хотя бы на время: на людях нищий не побежит следом. Он прохромал три шажка, да и осел на мостовую там, где привык сидеть.

У реки Мирелла сбросила ведра наземь. И вошла в бурные воды, обтирая всё тело, дабы смыть вонь от нищего. Она зашла бы и по шею, когда б не боялась, что ее снесет волнами. Выйдя на берег, вновь повязала она свои обмотки. Затянула грудь, протиснула лоскут между бедер. Будь ее воля, охотно вернула бы она детскую худобу своих десяти лет. Да, носить ведра было тогда тяжелей. Но и стеречься надо только палок, а их боялась она меньше, нежели блудливых рук.

Мирелла решила держаться от нищего поодаль. Одной предосторожностью боле. Но ей не привыкать быть настороже.

Не успела она отойти от реки, как заметила Пана. Мальчонке задавали взбучку сотоварищи. Во всё утро он множил задержки, кидался туда и сюда, но сноровки никак не хватало. Скоро терпение у горожан кончилось. Колокола затрезвонили, сзывая водоносов с соседских участков. Вот почто сыпались на него затрещины да попреки.

– Олух ты этакой! Когда живо бегать выучишься? – вопрошал Бедвик.

– Ну, поганец! Такого копуши да хлюпика в водоносах ни в жизнь не бывало! – прибавлял другой.

– Чтоб тебя скрутило! Ведра наливать полнее надо!

Речи свои дополняли они крепкими тумакami, дабы лучше внималось их добрым советам.

Всё внутри у Миреллы запылало от гнева. Хорошо им супить бровь, таким детинам! Ужель не помнят, как детьми сами изнывали от тяжелой работы, снося неудовольство горожан?

Однако юница прикусила язык. Стань она на защиту Пана, ее, несомненно, просто поколотят следом. Да еще вечером, в сарае, натерпеться придется.

В остаток дня она забегала понемногу в участок Пана, дабы напоить самых нетерпеливых. Бегать приходилось вдвое быстрее, чтобы и в свою часть города поспеть.

Подручный из городского трактира запросил воды. Когда Мирелла наливала бочку, явилась хозяйка. Лицо ее горело от злости. Одним пинком опрокинула она бочку.

– Что творишь, оглобля! – крикнула хозяйка подручному. – Сколько говорено, мы воды от этой рыжей девки не пьем!

Трактирщица была годов двадцати пяти и звалась Лотхен. В ту пору добрый трактир определялся тем, насколько хороши в нем яства, ароматны вина да пригожа хозяйка. Лотхен была миловидна и пышнотела. Грудь высокая, глаз скорый, язычок острый, – она любила посмеяться с постояльцами. Не забывая придвинуть грудь или бедро поближе к разморенным брагою посетителям, дабы они обходительно возложили туда свои руки. Такая приветливость снискала добрую славу ее заведению, коим после смерти супруга правила она в одиночку.

В сей час, впрочем, лицо ее не источало радушия. Она обернулась к Мирелле:

– А ты! Что за козни тут замышляешь? В этой части не ты воду носишь! Убирайся и берегись, чтобы впредь ноги твоей поганой не было в моей кухне!

Мирелла не стала вынуждать ее повторять. Она привыкла, что ее кланут и гонят. Впрочем, прежде на нее еще не взирали так странно: беспокойно и будто с толикой испуга. Она поспешила прочь, и послышалось ей, что Лотхен процедила вослед шепотом:

– Ведьма!

Услыхав сие слово, Мирелла так и задрожала. Пощупала голову, уверилась, что волосы скрыты платком, и побежала, ссутулясь.

В развалюху, служившую им жилищем, Мирелла вошла в измождении и растерянности. Пан тоже пребывал в унынии. Он лег спать, едва покончив с похлебкой. Мирелла вытянулась рядом. Зной был жуткий, особенно наверху, в их кормушке. И как ни устала Мирелла, сон к ней не шел. В голове ее звучала какая-то назойливая ритурнель, так что никак и не отвязаться. То было чудная, одуряющая мелодия. Мирелла сомкнула очи, не зная, спит ли, бредит ли она от духоты. И представлялось ей, что ежели быющий в голове напев решился бы достигнуть губ, то обрушились бы на Гамельн лютые беды. Под жаркими веками являлись ей вереницы переулков, кои обегала она каждый день. Всё виделось кроваво-алым, как ее волосы. Горожане, сраженные неведомым лихом, умирали один за другим. Наконец видения перестали осаждать ее рассудок, и Мирелла провалилась в сон.

III

Девочка, чье место – самый низ

Заметив, сколь обильно льется солнце в щели между стенных досок, Мирелла подскочила. Вот же разморила духота, чума ее возьми! Проспала! Проворонила утренний разнос! Но вдруг Мирелла успокоилась. Ибо слышала тяжелое сопение сотоварищей и вспомнила, что нынче утро прокаженных.

Во всей Священной империи германской прокаженные изгонялись из городов. Едва приметив у себя признаки недуга, они уходили в лепрозории, поселения, где и жили всем скопом. Входить в церковь, в трактир, на мельницу, рынок или в мыльню им было заповедано. И ежели покидали они стены лепрозория, предписано им было крутить трещотку на каждый пятый шаг и закликать, дабы всякий, слыша, что они идут, укрывался подальше. Ибо самое ничтожное касание до недужного могло стать роковым.

В Гамельне прокаженные изгонялись так же. Но бургомистр, по великому милосердию своему, пожаловал им особое право. Одно утро в месяце отводилось им на то, чтобы могли они войти в город и просить подаяния либо навестить свои семьи.

Среди тех же, кто в добром здравии, сей «день прокаженных» звался «днем сонного утра». В такое утро горожане замыкали калитки на засов, а окна на ставни и хоронились в четырех стенах (даже нищие, не имея крыши над головой, прятались в церкви). Посему прокаженные могли вволю разгуливать по пустынному граду.

Водоносы, как и все прочие жители, оставались бездельны. Мирелла отважилась на многотрудный подвиг расчесать Пановы вихры. Она и так и сяк запускала в лохмы его деревянный гребень, расплетая колтуны и вылавливая вшей. Годы водоносного труда загрубили и усыпали мозолями ее ладони, однако пальцы сохранили тонкость и проворство. Она осторожно пробиравась ими в гущу Пановых волос, он же с наслаждением вверил ей свою голову и закрыл глаза.

Но тут вошел член магистрата: «Господину нашему бургомистру нужна вода», – объявил он и тут же вышел, торопясь замкнуться у себя, покуда не встретил прокаженного.

Водоносы в сарае переглянулись.

– Бургомистров дом в Миреллиной части, – сказал один.

И, поскольку любезность не была в числе их добродетелей, едва отзвучали сии слова, каждый увлекся неким безотлагательным делом: кто скреб дно ведра, кто выбирал грязь меж пальцев ног, кто чистил внутренность уха, и всё тому подобное.

Мирелла знала, что перечить без толку. Пан тут же вскочил на ноги, предлагая пойти с ней. Что совсем неожиданно тронуло ее.

– Не вздумай, – сказала она, – ты меня удержишь. Я побегу скоро, дабы кого не встретить.

Город пересекла она широким шагом, всё по мелким проулкам. При затворенных ставнях и безлюдных улицах во граде должна бы стоять тишь. Но Мирелла содрогалась от беспрестанного укромого шороха. Расшатанные камни мостовой скрежетали под ее шагом. Дома и кладовые гудели, когда торопливо шла она мимо. Могло показаться, будто весь город фырчит.

Гудение это гораздо ее тревожило. Не так обыкновенно говорил Гамельн. Вдруг из стеного разлома показалась округлая спина черного чудища, с тельца вышиной, и, повизгивая, чудище пошло через проулок. Мирелла подскочила, не сразу уразумев, что перед ней не единая тварь, но целая волна черных крыс. Гамельн трясся от грызунов. Во всю жизнь не видала Мирелла такого их засилья. Дрожь пробрала ее до кишок.

К Везеру вышла она быстро и беспрепятственно. На обратном же пути, поскольку ведра были весьма тяжелы, решила идти напрямик. И ступила на Гауптштрассе, широкую главную

улицу, пересекавшую Гамельн насквозь. Прокаженного она увидела издали: он шел в ее сторону. Тогда решила Мирелла свернуть в проулок по правую руку. Но в тот же миг застрекотала оттуда трещотка и послышался крик: «Сжальтесь над прокаженным!» Заслышав сие, она замерла, напрягши слух. И третий стрекот зазвучал за спиной. Окружена.

Сжав зубы, пошла она дальше по Гауптштрассе.

И вновь раздался клик: «Сжальтесь над прокаженным!» Что же, и она подхватит проказу? Говаривали, что довольно оказаться в одном дуновении ветра с больным, чтобы миазмы недуга прилепились и стали точить тело. Чтобы ободрить свой дух, стала она на ходу молча слагать считалку:

*Проказа, проказа,
Про казнь
Знает всё
Миазм*

Прокаженный приближался. Мирелла представляла, как проказа бежит за ним, будто пес. Недуг виделся ей крошечной жабой с подтрещинами на коже: подступишься близко – она прыгнет, ввернется в твою плоть, точно грибы-наросты на древесных стволах.

*Проказа, проказа,
Простой
Мой спрос:
Цел нос?*

Мирелла задумалась, каких запахов будет недоставать ей без носа. Если поразмыслить, до чего же в Гамельне смрадно! Горожане выплескивали на улицы помои и свои испражнения. Летом из сточных канав поднимался стойкий гнилостный дух, а в нем роились бессчетные мухи. Лишь один отрадный запах вспомнился ей: мокрой земли на берегу Везера. Прокаженного уже можно было разглядеть. Мирелла решила, что проживет и без носа.

*Проказа, проказа
Прокралась,
Перст – хватать
Или пять.*

Без пальцев таскать воду она не сможет. Придется ей уйти в лепрозорий. Что там за жизнь? Может, и не хуже, чем у водоноски. Мирелла подошла еще на пару шагов. Прокаженный постукивал в двери, предлагая мелкий товар: ткани, ленты, деревянную утварь. Тщетно: никто не открывал. Кому взбредет в голову купить то, до чего касался прокаженный?

*Проказа, проказа,
Приказ
Пасть ушам
По клокам.*

Мирелла замерла. Без ушей – прощай, музыка. Не слышать ей ни своих напевов, ни музыкантов по бургомистровым празднествам. Вдруг проказа предстала ей гораздо жуткой участью.

Она огляделась кругом. И уже задумала было бросить ведра и бежать. Да только некуда: всюду пришлось бы миновать прокаженного. Она взглянула на запертые дома. Постучи она в такой, впустят ли хозяева? Голос трезвого рассудка шепнул ей, что нечего и пытаться.

Прокаженные неумолимо приближались. И уж мерещилось Мирелле, как ползет на нее жуткий недуг. Кожу проняла дрожь. Пальцы на ногах поджались. Она мечтала умалиться до крошки.

Один прокаженный уже добрал до Миреллы. Узрев ее, он замер на миг и разинул рот – до того обик видеть град безлюдным. И тут же ринулся к углублению в стене. Он потупил голову и вжался в него всем телом, дабы занять поменьше места, дать ей пройти. Мирелла уняла дыхание и решилась.

Когда же поравнялась она с прокаженным, тот заметил, что пола его балахона отстала. Он подобрал ее к ноге, дабы увериться, что водоноске не грозит быть мимоходом задетой тканью. Что-то в Мирелле поворотилось от его движения. Будто зерно запало в душу, только неясно – какое.

Она раскрыла рот, вновь вобрала ноздрями воздух. И вспомнила о великой лестнице мира, мысленно дополнив ее:

Бог
↓
Император Священной империи германской
↓
Князья
↓
Бургомистр
↓
Члены магистрата
↓
Знатные горожане
↓
Ремесленники
↓
Торговцы
↓
Сторожевые псы
↓
Женщины
↓
Нищие
↓
Мирелла
↓
Дети
↓
Прокаженные

Повинуясь порыву, она вдруг стала пред прокаженным и спросила:

– Не желаете ли воды, сударь?

Прокаженный поднял взгляд и оторопело воззрился на нее. Болезнь не успела искалечить его лицо.

Робко, как бы еще неуверенно прокаженный вынул из мешка плошку, коей его наделили вместе с трещоткой в день, когда должен он был оставить свой дом и вступить в сословие прокаженных. Отныне лишь сими двумя вещами мог он владеть. Мирелла протянула ему ведро.

– Мне нельзя окунать плошку в ведро, таков запрет, – сказал он.

Мирелла кивнула. Она подняла ведро двумя руками. И налила воду так, чтобы не коснуться ведром плошки. Жажда у прокаженного была велика. Он пил с наслаждением, крупными глотками. Мирелла взглянула на его руки, все в повязках. И отвела взор. Пальцев не доставало.

Прокаженный любезно поблагодарил ее, и Мирелла, чье лицо обыкновенно хранило суровость, улыбнулась в ответ. Она распрямилась, взвалила ведро на плечи и пошла прочь. И вновь в голове ее зазвучала та музыка, в такт шагам.

Позади прокаженный продолжил свой путь. Заслышав трещотку и заунывный крик «Сжальтесь над прокаженным», Мирелла остановилась – ей пришла в голову мысль. Оставив ведро, она пробежала улицу вспять и похлопала прокаженного по плечу. Тот вздрогнул и обернулся, дивясь прикосновению.

– Вам нужна песня! – заявила Мирелла.

Прокаженный взирал на нее, не понимая, чего хочет эта девчонка.

Но нет, перед ним не девочка, а едва ль не молодая женщина, хоть и прячет она изгибы своего тела под слишком тугими обмотками. Издали то была жалкая, понурая оборванка. Но чем ближе смотреть на нее, тем сильнее поражала ее красота. Щеки ее зарумянились от бега под жарким солнцем. Лицо горело, отчего и темные зрачки будто блестели в тени долгих ресниц. Но не в том одном было дело. Удивительная сила виделась прокаженному в этой тщедушной девчушке. С чего бы так, черт возьми?

Не ведая, что углядел в ней прокаженный, Мирелла разъясняла суть песни водоносов, которую придумала она взамен данного бургомистром клича. Прокаженный с трудом поспевал за ее бойкой и живой речью. Вдруг решив, видно, не тратить боле попусту слов, она замолкла – и принялась петь:

Песнь прокаженных

Мы

Мы – прочь

Мы – жажженные

Мы – прокаженные

Мы – прочные мужи.

Прокаженному почудилось, что переменился ветер. Встревожась, он отступил вбок. Ему было строго заповедано заговаривать с кем-либо, стоя с ним по ветру, дабы воздух не донес тлетворные миазмы до тех, кто в добром здравии. Смутившись, шагнул он вправо, влево, но понял наконец, что ни единое дуновение не колебало знойный и тяжелый воздух, придавивший лицу еще с зари.

Просто волосы на руках его встали дыбом от юницыной песни. Ее голос, прорезавший тишину пустынного града, вмиг увлек его.

– Ну как, запомните? Удержите в памяти напев да слова?

Прокаженный собрался с духом и кивнул. Девица, довольная ответом, простилась и ушла. Прокаженный смотрел ей вслед. Сердце еще неистовствовало в его груди. Он глядел, как взваливает она ведро на плечи. И скоро вновь стала она простой водоноской, нищей безымянной девчонкой.

Прокаженный взглянул на небо. Солнце стояло высоко. Близился шестой час, а с ним – конец утру. Скоро вход в город снова будет ему заказан. Пора возвращаться в лепрозорий. Он

двинулся в путь. А по пути напевал ту песнь, что выдумала ему странная девица. И за каждой строкой поводил трещоткой. И казалось ему, что от напева и идется прямее, и ноги гордо несут увечное, истерзанное тело.

Едва колокола церкви Святого Бонифация возвестили, что утро кончилось и начался день, все окошки в Гамельне разом распахнулись. Горожане в большом нетерпении покидали свои темные, душные и недоступные для сквозняков жилища. Возбуждало спешность и то, что в сей день назначен был праздник, а до танцев и увеселений все были охочи.

* * *

В Средние века на каждый третий день приходилось по празднику. На этот раз поминали святую Вильгефурту, прозванную Избавительницей. Мученица сия смогла избежать приставаний и надруганий пьяных солдат. Бог защитил ее, внезапно одарив чудесной густой бородой. Насильники сочли облик ее столь неблагоприятным, что отступились с миром.

Зной стоял до того крепкий, что и не продохнуть. Дабы горожанам, пока идут они через город, не свариться вкрутую, как яйца, мостовые обильно поливались, а меж домов натягивались веревки, поверх которых накидывали для тени тростник.

Праздник открывался торжественным шествием от каланчи до церкви. Многоимная знать проходила на радость горожанам. Простой люд толкался, стремясь получше разглядеть вельмож, втянуть сладкий дух их благовоний и ароматных мазей, а то и огладить украдкой полу их богатых нарядов. Но, по счастью, путь шествию расчищала цепочка стражников, охраняя тела благородных господ обоего пола, без чего течение толпы непременно бы их унесло.

Первым выступал бургомистр в изысканных одеждах, заполняя широкую накидку своим дородным торсом. Обильно умашенный ароматами, он гордо ступал под сенью драгоценнейшей оперенной шляпы, и упитанные тела его благолепно колыхались.

Второй шла супруга его с властным лицом под двурогим головным убором, вся обсыпанная жемчугами и шуршащая шелками да атласами. Она превосходила всех величавостью осанки, надменная стать ее внушала трепет.

Третьими выступали члены магистрата, задрав носы и выпятив грудь, дабы все могли узреть их отличный знак – руно на цепочке.

Четвертыми следовали чиновные люди: судьи и прокуроры, ученые мужи, титулованные врачи, люди почтенных занятий и именитые горожане, выстроенные по знатности.

Пятыми шли самые имущие из мещан, а следом – их ликующие супруги, разодетые по такому случаю в лучшие свои наряды.

Все шествовали грузным шагом, изнемогая от собственной важности и навалившегося зноя. Церковная прохлада была как нельзя более кстати. Участники шествия смиренно расселись в первых рядах. За ними стоя разместился весь Гамельн. Мелкота, как могла, понабилась за колонны внутри нефа.

Мирелла стояла средь черни, прижимая к себе Пана, а он приник к ней спиной. Прочие водоносы были недалеко.

Чудесная речь священника произвела на собравшихся изрядное впечатление. Потряса единственной рукою, он живописал в мельчайших подробностях мучения адовы. Поведал о смертоносном смраде серных паров. О том, как медленно жарятся грешники да как обгорают, потрескивая, их волосатые кожи, а ногти плавятся, въедаясь в мякоть пальцев. Как диаволицы наматывают кишки их на веретена вместо пряжи. А диаволята вонзают вилы в мясистые ягодицы, и адские пиявки вползают в ноздри, дабы высосать из мозга кровь.

Прекрасные его слова поселили в сердца прихожан благой ужас, пособный удержать их на праведном пути. В конце добрый священник ободрил паству:

– Будьте набожны и благоразумны, и никогда нога ваша не ступит на жгучие камни, коими вымощена дорога к дьяволовым вратам. Ад назначен для убийц, воров, душегубов и строптивых жен.

Засим мальчик-служка из хора обошел сидящих, собирая пожертвования и дары. Горожане побогаче могли купить индульгенции: так с помощью презренного металла они сокращали срок пребывания в чистилище на указанное число дней.

Жители Гамельна покидали церковь, полные благих зарок, кои они положили себе соблюдать с завтрашнего же дня, – как только кончится гуляние на главной площади.

Помните ли: главная площадь была в самом центре города, меж каланчой, острогом и бургомистровым домом. Посреди нее высился ладный деревянный помост. Здесь столпился весь Гамельн. Горожане ждали в нетерпении, когда же начнут играть музыканты и почнут винные бочки.

Пан примкнул к стайке сирот из приюта, с которыми вместе рос. Он возвышался среди тощей, недокормленной и чумазой ребятни, чуть младше его годами. Монашки бросили их на площади, и мальцы живо щебетали. Пана засыпали расспросами о новом его ремесле. Он отвечал сдержанно, нарочито небрежно, словно не замечая, как они восторженно таращатся на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.